Е 50/293

Свящ. И. Н. Постниковъ.

Царицынъ указъ.

Разсказъ.

Изданіе Тверской Ученой Архивной Комиссіи.

147
163

ТВЕРЬ.
Типо-Литографія Н. М. Родіонова.
1909 г.

947
Е 50 — 293
29069
1532.

СВЯЩ. И. Н. ПОСТНИКОВЪ.

Царицынъ указъ.

Разсказъ.

Изданіе Тверской Ученой Архивной Комиссіи.

Дублетный фонд госуд. библиотеки им. В. И. Ленина
ПОГАШЕНО

ТВЕРЬ.
Типо-Литографія Н. М. Родіонова.
1909 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 31962 1990г.

Печатано по распоряженію Тверской Ученой Архивной Комиссіи, 5 Февраля 1909 г. № 25

Тверь, Типо-Литографія Н. М. Родіонова.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
3281-79

ЦАРИЦЫНЪ УКАЗЪ.

Въ 1771 году по случаю свирѣпствовавшей въ то время въ Россіи чумы правительствомъ издано было распоряженіе объ отводѣ для городовъ особыхъ кладбищъ. До тѣхъ поръ каждый приходъ хоронилъ своихъ мертвецовъ у себя, при своей церкви. Новымъ распоряженіемъ нарушался исконный обычай. Съ родовыми могилами, могилами прадѣдовъ и дѣдовъ, приходилось разставаться. Заводить себѣ новое мѣсто вѣчнаго упокоенія—тамъ, гдѣ-то за городомъ, далеко отъ своего храма Божія, отъ завѣтныхъ могилъ дѣдовскихъ, отъ близкихъ сердцу „родныхъ покойничковъ" тяжело было простому русскому человѣку. Чувство это пересиливало страхъ передъ чумой. Сознаніе въ необходимости мѣръ противъ эпидеміи плохо укладывалось въ обывательской головѣ. И распоряженіе правительственное вызвало по городамъ общее недовольство. Кое-гдѣ раздались протесты противъ него въ надеждѣ отстоять старину и на этой почвѣ возникли судебныя дѣла и разбирательства. По мѣстамъ погоревали, посѣтовали, да и примирились съ новымъ порядкомъ и... никакой судебной волокиты не произошло. И, наконецъ, въ большинствѣ городовъ повелись обычныя попытки обхода новаго закона съ разными отъ того послѣдствіями, благопріятными или не благопріятными, смотря по умѣнью и по обстоятельствамъ. Къ такому большинству нужно отнести и Бѣжецкъ, уѣздный городокъ Тверской губерніи.

I.

На одной изъ Бѣжецкихъ улицъ обращаетъ на себя невольное вниманіе старый деревянный домъ.

Слишкомъ ужъ жестоко поступило съ нимъ безжалостное время, перекосивъ его во всѣхъ положительно направленіяхъ и самымъ затѣйливымъ образомъ. Покосило его на бокъ въ длину. Надломило его поперегъ. Исковеркало его углы. Выгнуло горой его ветхую дырявую крышу съ гнилой причудливой бахромой по концамъ. Отъ ушедшаго въ землю нижняго этажа осталось одно воспоминаніе да верхніе косяки его былыхъ оконъ, выдающіеся теперь надъ земной поверхностью, какъ какія то, Богъ вѣсть зачѣмъ, появившіяся приступки къ старому строенію. Вотъ, вотъ, такъ и кажется, развалится этотъ домишка и покажутся на свѣтъ Божій обитатели его со всѣмъ убогимъ скарбомъ своимъ.

И жалко становится и обитателей этихъ и самой старой хоромины.

Домишка имѣетъ за собой свою исторію.

Во второй половинѣ позапрошлаго XVIII столѣтія онъ былъ совершенно новымъ. Обыватель городской любилъ тогда смотрѣть на него. И смотрѣлъ, можно сказать, даже съ нѣкоторою гордостью:—вотъ дескать, какіе у насъ въ Бѣжецкѣ умѣютъ дома строить. Строенъ домъ былъ на славу. Достоинство матеріала, прочность работы, чистота отдѣлки,—все говорило, что хозяинъ его—богатый человѣкъ, денегъ на постройку не жалѣлъ и строился съ разсчетомъ не на одну свою жизнь, а и на потомковъ своихъ чуть не до седьмого колѣна.

И дѣйствительно было такъ.

Владѣлецъ дома Иванъ Васильевичъ Первухинъ, изъ стариннаго купеческаго рода, потомокъ, кажется, одного изъ тѣхъ выходцевъ Великаго Новгорода, которые положили основаніе Бѣжецку, слылъ по городу первымъ богатѣемъ. Капиталъ нажитъ былъ честнымъ трудомъ. Въ торговыхъ оборотахъ своихъ купецъ Первухинъ отличался рѣдкою добросовѣстностью. Жизни былъ хорошей, благочестивой. При своемъ природномъ умѣ и житейской мудрости словъ на вѣтеръ пускать не любилъ. Семью свою соблюдалъ по старинѣ,—въ строгости. Словомъ, обладалъ всѣми достоинствами, которыя могли по тому времени создать человѣку почетъ и уваженіе.

И популярнѣе Ивана Васильевича человѣка тогда въ городѣ не было. Въ общественныхъ городскихъ дѣлахъ, въ затруднительномъ положеніи отдѣльной обывательской семьи,—вездѣ онъ былъ первымъ совѣтникомъ. Совѣтъ его, его мнѣніе, взгляды его,—все это цѣнилось очень высоко и со всѣмъ этимъ обществу приходилось серьезно считаться.

Постройку дома Иванъ Васильевичъ началъ уже на склонѣ своихъ дней, когда переженилъ своихъ сыновей и накопилъ отъ нихъ кучу внучатъ. Дѣтвора была баловливая, шумливая. Мало было ей простора въ старой хороминѣ. Да и самому дѣду некуда было отъ нея спрятаться. Вездѣ стоялъ шумъ и гамъ отъ дѣтскихъ звонкихъ голосовъ и топанья ребячьихъ ноженокъ. Старую голову кружило отъ нихъ. И надумала она новый домъ и какъ пріютъ для себя, и какъ прочное обстоятельное наслѣдіе размножившемуся потомству.

Какъ человѣкъ хозяйственный, Иванъ Васильевичъ глазъ своихъ не спускалъ съ постройки. И

дневалъ и ночевалъ на ней. Ни одно бревно не было положено безъ его личныхъ указаній, ни одна доска не прилажена, ни одинъ гвоздь не вколоченъ.

Ютиться за время постройки семьѣ пришлось въ чужомъ домѣ. Квартира была тѣсная, не уютная. Заставлена была всевозможною мебелью: комодами, шкафами, диванами и т. д. Все это было старинное, угловатое, громоздкое. И на мебели, и подъ мебелью,— всюду навалены были ворохи всякаго бѣлья и платья, сложены груды посуды. Словомъ, повернуться было негдѣ. Какую вещь найти нужно было во всемъ этомъ складѣ,— ищи съ утра до вечера и все равно не найдешь. Порядливому старику это было не по нраву. По стариковски не терпѣливый, измучившійся за хлопотами и заботами, Иванъ Васильевичъ спалъ и видѣлъ, какъ бы поскорѣе закончить постройку и перебраться въ нее изъ своей временной тѣсноты.

И событіе, наконецъ, совершилось.

Вернувшись съ постройки однимъ августовскимъ яснымъ, тихимъ вечеркомъ съ лицомъ не менѣе яснымъ, какъ бы отражавшимъ на себѣ всѣ прелести этого вечерка, именитый купецъ въ избыткѣ чувствъ своихъ позволилъ себѣ даже нѣкоторую игривость, не совсѣмъ для него обычную.

Лукаво подмигнувъ женѣ, не высокой плотной старушкѣ, очень еще подвижной, съ замѣтными слѣдами былой стройности и красоты, Иванъ Васильевичъ довольно-таки сильненько хлопнулъ ее по старому плечу.

— Ну, старуха, радуйся!

— И што ты, Богъ съ тобой, Иванъ Васильевичъ! Ишь ты! Все плеченько разломило. И чего ты возрадовался, словно младенецъ какой!

— Вотъ те и младенецъ. Тряхни, Максимовна, старыми костями! Завтра съ утра быть переборкѣ въ новое логово со всѣми твоими потрохами домовными. Завязывай, укладывай добро, да смотри, все дѣлай, благословясь, со счетомъ, да складненько, чтобы не потерялось, не покололося чего. Ишь ты сколь добра то! Хлопоть тебѣ, старой, не мало будетъ! Ну да вонъ молодухи подсобятъ.

И старикъ шутливо погрозилъ невѣсткамъ.

— Вы, вострухи, не зѣвать! Намъ съ матерью не долго жить. Все—ваше будетъ. Да за ребятами смотри! Въ сутолокѣ-то чего бы имъ не приключилось. Народъ - малый, совкій. До грѣха долго-ли? Вы, сорванцы, не баловать! Коли што,- у меня про васъ въ новомъ домѣ чуланъ сдѣланъ и тамъ дѣдъ съ розгами посаженъ. Спуску не дастъ.

— А онъ, дѣдушка, страшный?—спросилъ мальченка—пузырь, любимецъ старика.

— Да, братецъ, страшный.

— Какъ дяденька Данила, дѣдушка?

Семья расхохоталась. Дяденька Данила, родственникъ Первухиныхъ, былъ общій баловникъ ихъ ребятишекъ. Но больше всѣхъ перепадало отъ него ласкъ и сластей именно мальченку пузырю.

Старикъ со смѣхомъ махнулъ рукой. Позвалъ сыновей и затворился съ ними въ сосѣдней горницѣ. Долго слышалось потомъ оттуда стуканье костяшекъ на счетахъ, названія разныхъ товаровъ, цѣны, имена покупателей и т. д. Молодые люди отдавали отчетъ отцу въ своихъ торговыхъ дѣлахъ за день.

У женщинъ шла своя работа „надъ потрохами домовными“. Все спѣшно укладывалось, перевязывалось.

И долго еще, сверхъ обыкновенія, мелькали въ домикѣ нагорѣлыя сальныя свѣчи и трещала на кухнѣ лучина въ своемъ поставцѣ, скудно освѣщая работы довольной, счастливой, семьи.

II.

На другой день неспокойный старикъ разбудилъ семью чуть не съ первыми пѣтухами.

Собственноручно снялъ со стѣнъ иконы и, истово крестясь, роздалъ ихъ женѣ, дѣтямъ и внукамъ. И семья чинно съ молитвою двинулась по городскимъ улицамъ на свое новоселье.

За иконами потянулись телѣги съ добромъ. Телѣги эти разгружались у новаго дома. Снова ѣхали за кладью. Привозили и опять разгружались. И такъ нѣсколько разъ, пока не осталось на старой квартирѣ ничего, кромѣ ея опустѣлыхъ голыхъ стѣнъ.

Анна Максимовна, чувствуя себя въ положеніи полновластной вершительницы судебъ семейнаго добра, была на высотѣ призванія. Даже самъ Иванъ Васильевичъ—и тотъ прислушивался къ ея приказаніямъ. Только и слышно было кругомъ:—Максимовна, матушка, бабушка,—это куда, это какъ? И Максимовна во все должна была вникнуть, вездѣ поспѣть, всѣмъ распорядиться.

При дружной работѣ семьи къ вечеру все уже было на своихъ мѣстахъ.

Выжгли по существовавшему тогда обычаю крестики крещенскою свѣчой на дверныхъ косякахъ въ огражденіе отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. И каждый пошелъ въ свой покой на ночлегъ. Но долго никто не могъ заснуть при всей своей усталости. Всѣхъ одинаково волновало охватившее чув-

ство простора и удобствъ послѣ минувшей тѣсноты. Самому Ивану Васильевичу въ значительной степени мѣшала еще спать и мысль горделивая:—вотъ де какую Богъ привелъ ему хоромину вывесть,—всему городу краса.

На утро назначено было освященіе новаго дома.

Послѣ раннихъ обѣденъ изъ приходской церкви принесли четыре большихъ иконы храмовыхъ святыхъ. Явился причтъ въ полномъ своемъ составѣ, какъ того требовало почетное положеніе хозяина,—то-есть, два священника, діаконъ, два дьячка и два пономаря.

Лица все это были почтенныя. Такъ какъ въ настоящемъ разсказѣ роль ихъ не маленькая, то позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на нихъ.

Настоятель, старичекъ отецъ Матвѣй, доживавшій седьмой уже десятокъ, слылъ человѣкомъ бывалымъ. За церковью числилось не мало земли. И батюшка весь свой вѣкъ хлопоталъ надъ ней. Размежевывался съ сосѣдними владѣніями Троице-Сергіевской лавры, Углицкихъ ямщиковъ и разныхъ помѣщиковъ и помѣщицъ. Наносилъ ее на планъ. Заводилъ межевыя книги, какихъ раньше при церкви не было. Пришлось по всѣмъ этимъ дѣламъ не разъ побывать и въ Лаврѣ, и въ Угличѣ, и въ Новгородѣ, и въ самомъ Петербургѣ, и въ разныхъ другихъ городахъ Россійской Имперіи, гдѣ проживали сосѣди по землямъ. Въ одну Первопрестольную довелось прокатиться до десяти—пятнадцати разъ по разнымъ нуждамъ церковнымъ: то нужда была до межевой канцеляріи, то требовалось разбитый колоколъ перелить, то иконостасъ заказать, то свѣчъ восковыхъ закупить и т. д. Все это дѣлалъ о. Матвѣй самъ. Частыя дѣловыя сношенія съ разными лицами раз-

вили въ батюшкѣ особую способность быстро узнавать человѣка и умѣнье поговорить. Путешествія же его и скитанья по разнымъ помѣщикамъ, канцеляріямъ и другимъ лицамъ и присутственнымъ мѣстамъ различныхъ городовъ и весей давали обильныя темы для разговоровъ. По характеру своему о. Матвѣй человѣкъ былъ веселый, общительный. Вездѣ онъ былъ желаннымъ гостемъ. Къ церкви своей расположенъ былъ всей душой и плодами рукъ своихъ по ея благоустроенію вполнѣ могъ гордиться. Въ обязанностяхъ своихъ по отношенію къ прихожанамъ былъ строго исполнителенъ и аккуратенъ. Былъ благочестивъ. По жизни своей христіанской—исправенъ. И въ писаніи начитанъ. Формуляръ его чистъ былъ. Слѣдствій и судовъ о. Матвѣй боялся до чрезвычайности. До самой смерти своей не могъ онъ безъ содроганія вспомнить одного случая изъ временъ своего ранняго дѣтства,—судебной волокиты надъ своимъ родителемъ. А все и дѣло то, вызвавшее эту волокиту, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, состояло въ слѣдующемъ. Одинъ подканцелярист мѣстной Воеводской Канцеляріи пожаловался на его отца, кому слѣдуетъ, что тотъ „16 іюня на Курганской улицѣ, которая состоитъ по берегу рѣки Мологи, близъ своего огорода, незнамо за что билъ коломъ и увѣчилъ его двухгодовалую свинью, а цѣна ей одинъ рубль двадцать копеекъ, отчего свинья та помре, да также померли съ голоду и два трехдневныя ея порося, да и остальныя шесть помираютъ же, а цѣна имъ по двадцать копеекъ“. Виновата во всей этой исторіи, конечно, всѣхъ больше была сама же помершая свинья, несомнѣнно, любившая посѣщать чужіе огороды, портившая ихъ и тѣмъ вызвавшая кровавую расправу со стороны хо-

зяина огорода, дѣйствовавшаго въ пылу запальчивости и раздраженія. О. Матвѣй въ обсужденіе причинъ не вдавался. Ему запомнился фактъ и начавшаяся за нимъ волокита судебная. Этого одного уже оказалось достаточнымъ, чтобы внушить человѣку на всю его жизнь особую осторожность въ поступкахъ и боязнь къ суду.

Купецъ Иванъ Васильевичъ Первухинъ былъ особеннымъ почитателемъ о. Матвѣя. И жили они по пріятельски,—душа въ душу.

Другой приходскій батюшка,—Прокопій Леонтьевичъ,—былъ изъ молодыхъ и на приходъ только что назначенъ былъ. Какъ кончившій полный курсъ наукъ въ семинаріи, что было рѣдкостью въ тогдашнемъ Бѣжецкомъ духовенствѣ, о. Прокопій слылъ человѣкомъ ученымъ. На него возложено было епархіальнымъ начальствомъ толковать въ городскомъ соборѣ предъ литургіями по праздникамъ катихизисъ. Краснорѣчія и познаній въ Богословіи о. Прокопій былъ не лишенъ. Говорилъ громко, выразительно. Лицо имѣлъ пріятное, фигуру—осанистую. Все это собирало на бесѣды его въ соборъ массы Бѣжичанъ. Цѣну себѣ о. Прокопій зналъ. Велъ себя съ достоинствомъ. Манеры имѣлъ изящныя. Одѣться любилъ хорошо. Въ обществѣ, въ какомъ бы то ни было, никогда не терялся. Вхожъ былъ запросто во многія дворянскія семьи, куда тогда принимали съ большимъ разборомъ. Но и надъ простымъ народомъ не превозносился. Пастырь былъ добрый. Въ причтѣ—сослуживецъ уживчивый, хорошій.

Діаконъ Яковъ Кузьмичъ, мужчина лѣтъ сорока, замѣчателенъ былъ въ томъ отношеніи, что составлялъ при густомъ и сильномъ басѣ своемъ нѣкоторое

исключеніе изъ голосистаго люда. По наблюденіямъ русскаго человѣка того времени, басъ безъ водки не мыслимъ былъ. Имѣлъ человѣкъ басъ, пѣлъ и онъ пилъ непремѣнно и много пилъ. Такъ уже искони повелось. Кузмичъ обычая этого не придерживался и убѣжденія въ такой необходимости не раздѣлялъ. При громадномъ ростѣ своемъ и страшной силищѣ человѣкъ онъ былъ до чрезвычайности кроткій, незлобивый, ласковый. Компанію любилъ скромную, богобоязненную. Въ городѣ относились къ нему хорошо. Шелъ онъ, напримѣръ, по улицѣ,—и рѣдкій человѣкъ его не привѣтствовалъ:—здравствуй, о. діаконъ, здравствуй, Кузмичъ! И Кузмичъ всякому улыбался. Для всякаго у него находилось ласковое словечко.

Другая, меньшая братія приходскаго причта тоже была скромная, хорошая.

И только пономарь Тихонъ Егоровичъ нѣсколько не подстать ей былъ. Въ сущности и онъ человѣкъ былъ добрый, душевный. Но слишкомъ уже удали въ немъ молодецкой было много, да и выпить лишнюю рюмочку въ компаніи не прочь былъ. Шли ли молодцы городскіе стѣнкой на стѣнку, часть овражская на часть заовражскую помѣриться своими силами, боролся ли силачъ съ силачемъ, затѣвалась ли еще какая удалая исторія,—Тихону уже ни за что не утерпѣть было и лѣзъ онъ всегда въ самый разгаръ свалки. Уходилъ въ удалую исторію до самозабвенія. Праздновалась ли побѣда колоссальною попойкой,—компанейскій Тихонъ и тутъ былъ впереди другихъ. Благочинный городской какихъ-какихъ мѣръ не предпринималъ, что бы остепенить въ Тихонѣ эту удаль его,—и на поклоны то его „по шесть денъ по пятидесяти“ ставилъ и „удержаніе изъ доходовъ чинилъ“ и т. д. Ничто не помогало. Тихонъ безро-

потно отбывалъ наказаніе, просилъ прощенія, смирялся. Но смиренія хватало очень не надолго. Въ первый же подвернувшійся случай проявитъ свою удаль,— и всѣ благіе порывы шли на забвеніе. Чаша терпѣнія благочиннаго, наконецъ, переполнилась. По распоряженію его, въ самый разгаръ одной удалой какой-то исторіи несчастнаго Тихона нежданно-негаданно для него подхватили сторожа Духовнаго Правленія и заключили въ караульную избу свою „въ цѣпь". Не успѣвшій еще остыть отъ прерванной въ самый разгаръ борьбы, Тихонъ сталъ биться въ цѣпи, какъ левъ, пойманный въ тенетахъ. Въ результатѣ недѣльщикъ Правленія чрезъ нѣкоторое время доносилъ по начальству:—„Пробывъ въ цѣпи съ половины дня,— со второго часу,—до отдачи дневныхъ часовъ, пономарь Тихонъ тоя цѣпи стулъ бросилъ изъ рукъ на полъ и звенья необычно ломалъ и, поломавъ ихъ, изъ караульной избы бѣжалъ и тотъ цѣпной стулъ съ однимъ звеномъ бросилъ въ ровъ, а самъ съ устанымъ цѣпнымъ звеномъ и замкомъ далѣ побѣжалъ и догнать его не удалося". Черезъ день успѣвшій уже остыть Тихонъ явился было съ повинной къ начальству. Но вина велика была и несчастнаго пономаря отослали за карауломъ въ Новгородскую духовную консисторію. Тихона при всѣхъ его подѣтеляхъ однако же любили въ приходѣ за его незлобивость и доброту. Пожалѣли его и теперь. Слѣдомъ за нимъ въ Новгородскую консисторію отправилось прошеніе причта и прихожанъ о смягченіи его участи съ приложеніемъ отзыва—„о порядочномъ его житіи". И удалой пономарь отдѣлался сравнительно легко,—мѣсячнымъ заключеніемъ въ одномъ изъ Новгородскихъ монастырей—„въ черныхъ трудахъ". Въ Бѣжецкъ изъ своего заключенія вернулся онъ

чуть-ли не наканунѣ новоселья у купца Первухина. И на молебенъ пришелъ въ настроеніи безконечно довольномъ и радостномъ.

Молебенъ на освященіе дома служился чинно. Діаконъ Кузмичъ въ заключеніе провозгласилъ многолѣтіе хозяину и всей братіи дома честного во весь свой голосъ роскошный и съ такой силой необычайной, что рядомъ въ комнатѣ чуть не попадало со столовъ приготовленное ради новоселья угощеніе.

О. Матвѣй окропилъ домъ и его хозяевъ святою водой. И церковное торжество было кончено.

По приглашенію хлѣбосольнаго хозяина Ивана Васильевича, всѣ перешли въ сосѣднюю горницу.

III.

Ну, батюшка о. Матвѣй, благослови теперь спрыснуть обновку-то по русскому обычаю!

Проговорилъ старикъ, входя въ комнату и указывая на столъ, заставленный разными печеньями, соленьями, бутылками, жбанчиками и т. д.

Послѣ обычной молитвы и благословенія „яствъ и питій“ всѣ подошли къ закускѣ и съ пожеланіемъ хозяевамъ всѣхъ благъ на новомъ мѣстѣ жительства ихъ выпили по рюмочкѣ.

Намазывая ножемъ икру на ломтикъ чернаго хлѣба, Иванъ Васильевичъ обратился къ молодому священнику:

— А слышали, о. Прокопій, что третьевось вышло въ новой тюрьмѣ на молебствіи?

— Нѣтъ. А что такое? Вѣдь, молебенъ служилъ о. Мартынъ, кажется?

— Вотъ—вотъ! Въ немъ-то, о. Мартынѣ, и дѣло.

— Старикъ—простой. Мнѣ онъ очень нравится. Чего же онъ?

— Тюрьму то строилъ, чаю-знаешь, попечитель ея, бакалейщикъ Гаврила Семенычъ. Торжество по священью затѣялъ онъ, батюшка ты мой, великое. На молебствіе созвалъ и посадскихъ всѣхъ, кои повидпѣе, и городничаго, и изъ магистрата, кого слѣдъ, и изъ воеводской канцеляріи. Народу набралось— тьма тьмущая. Некуда яблоку упасть. Гаврила Семенычъ, знамо, впереди всѣхъ со своей супружницей. О. Мартынъ вычитываетъ это молитвы старается. Только и дочитался же онъ. Всели, говоритъ, строителя, раба Гавріила, Настасью и чадъ ихъ въ храминѣ сей до скончанія живота ихъ. Это—въ тюрьмѣ то! Теперь Гаврилѣ Семенычу по городу проходу не даютъ. Смѣются. Тебя, говорятъ зубоскалы, о. Мартынъ замолилъ. Теперя отъ тюрьмы никоимъ разомъ не отвертишься. И семьѣ твоей николи не отвертѣться.

Раздался громкій хохотъ присутствовавшихъ.

— Да,—припомнилъ кстати, когда смѣхъ нѣсколько поутихъ, о. Матвѣй,—у Мартына исторіи съ этой тюрьмой. Ходитъ онъ въ позапрошломъ году со славленьемъ по времени рождественскому. Зашелъ къ воеводскому подъячему. А къ тому изъ Рыбны теща пріѣхала. Старуха—любопытная. Ты, спрашиваетъ, отъ коей, батюшка, церкви? Я тебя, говоритъ, ни разу не видала. Ко мнѣ, сказываетъ ей о. Мартынъ, все едино, бабушка, въ приходъ не запишешься. А что же? спрашиваетъ. Всѣ храмы Божіи равно святы. Почто не записаться? Може, и запишусь! Анъ не запишешься! говоритъ о. Мартынъ. Анъ запишусь! стоитъ на своемъ упрямая старуха. И долго такъ то они спорились. Да откуда же, наконецъ, ты, батька?— смѣется подъячая теща. Въ тюрьмѣ, бабушка, мой приходъ, въ тюрьмѣ. Не пойдешь, небось, въ мой

приходъ? А? Старушка Божія отплюнулась. Закрестилась. Замолилась:—охъ, сохрани, Господи! Спаси, Царица Небесная! А Мартынъ подшучиваетъ:—то-то, старая! Небось, сейчасъ носъ то отворотила.

Раздался новый взрывъ смѣха. Особенно надсѣдался, хохоталъ смѣшливый пономарь Тихонъ.

— Что, братъ Тихонъ, пошутилъ Иванъ Васильевичъ, разговоръ-отъ тебѣ, должно, по нутру? Самъ токмо что изъ заточенья, такъ и старухѣ оказуешь сочувствіе? Поди, сердешный, натомился въ монастырѣ-то! Животы то, чаю, оскудѣли. Подкрѣпляйся! Наливай на другу то ногу! Батюшки! О. діаконъ! Повторить надо. Жалуйте! Не обезсудьте! Эй вы, пѣвуны—птицы Божьи,--обратился старикъ къ дьячкамъ,—полощите глотки-то.

Гости выпили по другой. Слегка закусили. И въ ожиданіи горячаго пирога разошлись отъ стола, раздѣлившись на группы.

О. Матвѣй со старикомъ Васильевичемъ расположились у круглаго стола, на широкомъ и низкомъ диванѣ краснаго дерева, гдѣ только что передъ тѣмъ присѣла Анна Максимовна. Сюда же присталъ и любившій серьезные разговоры діаконъ Кузмичъ.

О. Прокопій съ молодыми хозяевами составили особую группу у окна на чинно уставленныхъ около него стульяхъ.

Къ дьячкамъ съ пономарями, скромненько пріютившимися у дверей на скамейкахъ, подсѣли молодухи со своими ребятишками.

Принесли объемистые жбаны съ разными квасами и медами. И въ каждой группѣ за стаканами пѣнистой влаги повелась своя бесѣда.

Тихонъ потѣшалъ слушателей повѣствованіемъ о своихъ подвигахъ и злоключеніяхъ. Разсказывалъ онъ съ присущимъ ему юморомъ. И здѣсь бесѣда шла самая оживленная, веселая, беззаботная.

Въ группѣ о. Прокопія обсуждались событія текущей жизни, государственной вообще и мѣстной городской вчастности. Тогда уже начали похаживать слухи о новой разверсткѣ областей согласно Екатерининскому проекту, осуществлявшемуся потомъ съ 1775 года по 1784-й. Поговаривали, что Бѣжецкъ отъ Великаго Новгорода отписанъ будетъ или къ Ярославлю или къ Твери. Къ слухамъ этимъ безразлично отнестись здѣсь не могли. Основанный когда-то Новгородскими выходцами, Бѣжецкъ былъ затѣмъ долгое время главнымъ городомъ одной изъ Новгородскихъ пятинъ, получившей отъ него и свое названіе. Связь у него съ Великимъ Новгородомъ была такимъ образомъ исконная, изначала явившаяся и вѣками закрѣпленная. Вѣковыя традиціи, нравы, обычаи, нѣсколько своеобразный выговоръ и складъ рѣчи, покрой платья и т. д.,—все это и доселѣ носило еще извѣстный отпечатокъ былой Новгородской вольницы. Сразу порвать со всѣми вѣковыми устоями и повести жизнь на Ярославскій или Тверской образецъ, уйти изъ подъ покрова Владыки—Новгородскаго Архіепископа и родныхъ святынь новгородскихъ, изъ подъ привычной опеки Новгородскихъ учрежденій и властей и... нежданно-негаданно завязать по неволѣ новый центръ религіозной и гражданской жизни у опоры чужой и мало знакомой, тамъ гдѣ-то въ незнакомой Твери или Ярославлѣ,—все это, понятно, не легко было. Вызывало на извѣстныя опасенія, думы и серьезныя размышленія. О. Прокопій, Новгородецъ и по рожденію и по воспитанію въ Новго-

родскомъ училищѣ и семинаріи, предполагаемою отпискою Бѣжецка къ инымъ областямъ не доволенъ былъ. Недовольство это раздѣляли и его собесѣдники. Въ разговорѣ вспоминались событія изъ былой жизни Великаго Новгорода, выдающіеся дѣятели Новгородскіе, знаменитая въ исторіи, первѣйшая производительница Новгородскаго отлагательства Марѳа Борецкая, отбывавшая когда то въ старомъ Бѣжецкѣ свою ссылку и оставившая здѣсь на память образъ своего ангела, Преп. Марѳы, хранящійся „яко вещь примѣчанія достойная“ и доселѣ въ Бѣжецкомъ городскомъ соборѣ, и т. д. Разговоръ поочередно принималъ то характеръ оживленія и гордости за родную старину, то характеръ уныпія и недовольства по поводу предположеннаго нарушенія вѣковой связи Бѣжецка съ этой стариной, то характеръ боязни и опасеній за будущее,—каковы то окажутся новыя для города губернскія власти и учрежденія Ярославля или Твери и какъ то сложится и пойдетъ подъ ними новая жизнь Бѣжецкая.

Въ группѣ за столомъ шла между тѣмъ бесѣда совершенно иного характера.

Разговаривали больше Иванъ Васильевичъ съ о. Матвѣемъ, да вставляла иногда свое словечко Максимовна. Діаконъ Кузмичъ почтительно слушалъ.

IV.

Да, батюшка, и денжья же убрала у меня эта хоромина!--началъ разговоръ Иванъ Васильевичъ. Дорого по нонѣшнимъ временамъ строиться то. Лѣсъ, главно дѣло, дороговатъ больно сталъ. Оскудѣли мы лѣсомъ. Въ стары годы, сказываютъ, во всѣ страны градъ-отъ въ дубахъ былъ. Вона приостречинска-то

наша часть и досель Дубинятами прозывается. А нонѣ што? На версты кругомъ ни тростинки, не токмо что дуба какого, не увидаешь. Все повырубали. И Молога наша матушка отъ эвтого самого обмелѣла, травой поросла. А допрежь того судоходна была. Таперича и сплава то по ей никакого нѣтъ. Лѣсъ отъ супротивъ старыхъ годовъ и поднялся въ цѣнахъ-то.

— Подлинно, Иванъ Васильичъ, подлинно!—замѣтилъ о. Матвѣй. Теперь, гляди, и пословицѣ нашей конецъ. По старинѣ повелося сказывать:—отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ. А теперь, поди, каменны-то палаты еще скорѣ деревянныхъ наживешь?! Сдается, не дороже выдутъ.

— Не дороже, батюшка о. Матвѣй, не дороже по нонѣшнимъ временамъ. А давно ли вотъ думный-то дьякъ Самсонъ-отъ Иванычъ Заборовскій, родомъ подгородняго села Шеломени, выводилъ здѣся перво построеніе каменное,—церковь-то въ Введенскомъ монастырѣ у Нектарія преподобнаго?! И ста годовъ нѣтъ. Стары люди сказываютъ,—мужіе, жены и дѣти стекахуся тогда зрѣти новое сіе зданіе и дивляхуся. А нонѣ никого тѣмъ уже не удивишь. Церкви то все пошли каменны строить. Наша то нова вонъ тоже каменна.

— Да, царство небесное, посадскимъ Юрью Лодыгину да Ивану Шишину! Память по себѣ хорошу оставили! На восьмой ужъ десятокъ храму то, а новешенекъ стоитъ.

— И поглядѣть, отецъ, любо! Што значитъ камень-то! А вонъ друга-то церковь то, деревянна-то Троицка, ужь совсѣмъ старушка Божья. Крыша то ужъ погнила. Столбы подкосились. Вотъ вотъ рушится.

— Да ужъ не знаю, что только съ нею и дѣлать, Иванъ Васильичъ. Съ двумя то храмами трудно больно справляться. А такъ то оставлять старую церковь тоже не годится. Чаю, вѣдаешь, кто ее коштомъ своимъ ставилъ?

— Какъ не вѣдать! Вѣдаю! Великъ человѣкъ ее строилъ. Вѣдь, при тишайшемъ то царѣ князь боринъ Георгій Яншеевичъ Сулешевъ—изъ первыхъ былъ. Разбойнымъ Приказомъ вѣдалъ. До Новгородскаго то своего воеводства въ Тобольскѣ воеводствовалъ. Всей Сибирью володѣлъ. По одной гоньбѣ ямской чего имъ понадѣяно! И до выѣзда то къ намъ, до крещенья своего, у своихъ хановъ крымскихъ тоже, слышно, великимъ человѣкомъ слылъ. А добра то, добра то што имъ на Руси надѣлано! Што ему царемъ то Алексѣемъ Михаиловичемъ въ одномъ Муромскомъ уѣздѣ земель да угодій жаловано было. А куда все пошло? По церквамъ, да монастырямъ, да на разны други добры дѣла.

— То-то, вотъ, то-то! А гадаешь ли, почему таковъ великъ человѣкъ на наше мѣсто вниманье свое обратилъ,—храмъ-отъ своимъ коштомъ выстроилъ?

— Невдомекъ, батюшка о. Матвѣй. Не вѣдаю.

— А вотъ, братецъ мой, почему. Допрежъ того храму стояла тутъ церковь Георгія Побѣдоносца, что зовяшеся на пню. А поставлена она была на пняхъ отъ тѣхъ деревъ, что садилъ тутъ святой князь благовѣрной Димитрій Юрьевичъ Красный, сынъ Юрья Димитріевича Звенигородскаго, кой съ Василіемъ Темнымъ за престолъ великокняжескій спорилъ,—Димитрія Донского внукъ. Отъ того и на пню она называлася.

— Какъ не знать князя Димитрія Юрьевича! Нашъ стольный князь Бѣжецкій былъ. Онъ и приходу то нашему основаніе положилъ. Первая то церковь тутъ его дворцова была. Какъ не знать!

— Онъ по древнимъ святцамъ во святыхъ числится.

— Знаю, батюшка, знаю. О немъ у меня выписка есть изъ книги домовной Войнова Петра Кузмича. Погоди-ка, я схожу, принесу.

Старикъ вышелъ и чрезъ нѣсколько минутъ вернулся съ довольно толстой тетрадью старинной синей бумаги, въ которой еще отцомъ его, а потомъ по наслѣдству и имъ самимъ повелось записывать важныя событія семейной своей жизни и „разныя вещи достопамятныя“, о которыхъ приходилось любознательному Ивану Васильевичу, большому любителю старины, читать или слышать.

Отыскавъ въ тетради нужное мѣсто, онъ прочиталъ: — „И бысть у сего князя Димитрія Краснаго вкняженіи Бѣжицкій верхъ седьмь лѣтъ. Бяше же сей воистину красный, якоже и честная его кончина добре являетъ, ащеже и кромѣ сея взыщемъ о доблестехъ того, то обрящутся многая, ибо былъ мужъ преизряденъ, благаго сущи нрава, и внѣшнимъ пачеже внутреннимъ благолѣпіемъ добродѣтелей бывъ преудобренъ, и яко кринъ во юдолій мирскихъ цѣломудріемъ присноцвѣтяше и благоутробія щедротъ такожде не лишенъ, и не завистливъ на чуждая, ни желателенъ кровопролитія междоусобными браньми квосхищенію чуждыхъ владѣній, но своими законными удовляшеся, и по всему бяше бояся Бога и соблюдая душу свою чисту. Надъ симижъ, ничтоже бесповелѣнія и совѣта родителя своего творяше“.

— Вотъ что пишетъ,—замѣтилъ Иванъ Васильевичъ, закончивъ чтеніе и закрывая тетрадь,—лѣтописецъ нашъ Бѣжецкій Петръ Кузмичъ Войновъ. И о доброй кончинѣ князя Димитрія, что Войновъ упоминаетъ, вѣдаю. о. Матвѣй. О ней въ лѣтописи Новгородской сказано. Какъ умеръ онъ, князь-отъ Димитрій, какъ псалтырь ужъ надъ нимъ читали. Какъ очунулся онъ во гробѣ и сѣлъ тамо со словами:—Петръ же позна, яко Господь есть. Какъ жилъ опосля того еще три дня и пѣлъ пѣсни Великой Субботы. Какъ потомъ опять померъ и Шемяка въ Москву его изъ Галича везъ на погребеніе въ дубовой колодѣ. Какъ колоду дорогой не одинъ разъ роняли. А въ Москву привезли на восемнадцатые сутки и открыли колоду для отпѣва, онъ какъ живой лежалъ. И нарекъ его народъ, князя то, тогда святымъ. И стали его въ святцахъ писать во святыхъ. Слыхалъ, батюшка о Матвѣй, слыхалъ! Какъ не слыхать?

— Ну такъ вотъ, Иванъ Васильичъ, изъ памяти къ нему, Димитрію Юрьевичу Красному, боголюбивый князь Георгій Яншеевичъ Сулешовъ, когда въ краѣ здѣшнемъ, Новгородскомъ, на воеводствѣ сидѣлъ, церковь то Троицкую и поставилъ своимъ коштомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ранѣ была Егорьевская. А ктомужъ Егорій то Побѣдоносецъ еще и тезоименный Сулешову то. И въ томъ причина постройки была. Вотъ она старая то церковь наша какая! Чтить ее надобно!

— А гдѣ, отцы мои, схоронены то эти князья?—осмѣлилась прервать бесѣду Максимовна,

— Князь то Красный въ Москвѣ, въ соборѣ. Архангельскомъ,— отвѣтилъ о. Матвѣй. А Георгій Яншеевичъ Сулешовъ,—вѣрно не знаю. Поди, тожъ

въ Москвѣ, либо въ Новгородѣ, гдѣ за послѣднее время житія своего воеводствовалъ

— Ишь ты, болѣзные! При своихъ то церквахъ не привелъ имъ Богъ похорониться косточками своими,—высказала старушка искреннее сожалѣніе. А то тутъ бы при храмахъ своихъ и воскресли къ суду то страшному. Указали бы на свои церкви то святыя: — вотъ де, Господи,—наше строеніе святое! Господь бы Богъ и ввелъ ихъ въ Свое царствіе.

— Строеній то ужъ тѣхъ нѣтъ, Максимовна,— остановилъ ее Иванъ Васильевичъ. Мѣсто одно изъ подъ нихъ къ суду то страшному останется. Да и сами князья то—люди праведны, не какъ мы, грѣшны. Што имъ на церкви то указывать? Они и такъ спасенье восприняли. Это вотъ намъ искать надо, на што указывать то.

— А ты бы вотъ, старый,—не унималась Анна Максимовна,—вмѣсто хоромины-то своей церковь бы и строилъ. И было бы на что указать то. Жить то, братъ, намъ съ тобой, Васильичъ, не долго! Надо и о смерти подумывать!

— Хоромина, старуха, хороминой. Безъ нея тоже не можно обойтись. А што до церкви, учнутъ строить— я по достатку помогу.

У предпріимчиваго о. Матвѣя, обрадованнаго такимъ неожиданнымъ оборотомъ разговора, голова заработала съ лихородочною поспѣшностью.

— Чего ждать, почтеннѣйшій Иванъ Васильевичъ? —обратился онъ къ старику. Люди, сказываешь, учнутъ. А кому начинать то,—самъ подумай! Въ казнѣ церковной, самъ вѣдаешь, пусто. Прихожане, что побогаче, повымерли. Окромя тебя взяться не кѣмъ. Ты нонѣ нетокмо приходу, а всему граду глава. Почтеннѣй да денежней тебя кто? Никого нѣтъ!

— Ну, запѣлъ! И гораздъ же ты, батька, чужи деньги вытягивать! Въ прошлой годъ на колоколъ выканючилъ. Ранѣ—на иконостасъ. Кажинный годъ на што нибудь да канючишь.

— Да, вѣдь, не себѣ канючу то! Вашъ же храмъ-отъ,—приходской!

— Храмъ! Храмъ!—сердился старикъ. Вонъ она у меня своя то хоромина! Спроси-ка у ей, во што она мнѣ влѣзла то! Не скоро проторы то съ убытки наведешь.

— Наведешь, небось, Иванъ Васильичъ, наведешь. Сколько за лѣто то масла одново коровьяго въ столицы поставилъ? Сколько въ Рыбну мѣшка для волжска хлѣба отослалъ. А ленъ то?! Ленокъ-отъ съ уѣзду, почитай, весь твой. Ужотка къ зимѣ двинешь его. Не одинъ домъ наверстаешь. Еще на двѣ, на три такихъ хоромины достали хватитъ.

— Ладно, ладно! Считай въ чужомъ карманѣ не свои барыши!

Твое дѣло! Дѣло твое, братъ Иванъ Васильичъ! Гляди самъ. Врагъ-отъ, смотри, силенъ. Какъ богачъ то въ Евангеліи? Настроилъ житницъ. Соберу, говоритъ, благая моя и жита моя и скажу душѣ моей: яждь, пій, веселись. А что ему Господь то глаголетъ? Безумне, глаголетъ, въ нощь сію душу твою истяжутъ отъ тебе и яже уготовалъ, кому будутъ?

— Ну, братъ, у богача то того робятъ, должно, не было. А у меня оставь токмо житницы то, живо всѣ разберутъ безъ устатку.

— Што жъ что ребята? Твою, вѣдь, душу то истяжутъ. Ребята то да внуки, небось, не спасутъ. Отъ суда то Божья, чаю, не уйдешь.

— Пой! Пой! Извѣстны твои пѣсни то!

— Не мои, Васильичъ, пѣсни то, не мои. Давидовы пѣсни то, псалмопѣвцевы. Поставилъ себѣ дворецъ новый. Тоже и дѣти и внуки были. Радовался. А потомъ што? Устыдился же, взгоревалъ. Самъ то, думаетъ, я во дворцѣ кедровомъ, а ковчегъ то Божій подъ шатромъ! И сталъ, наконецъ, матерьялъ на храмъ Господу Богу готовить. Такъ вотъ и ты. Себя то обстроилъ, а вонъ церковь то Божья — хуже шатра всякаго. Валится. А опять же и Анна Максимовна правильно сказываетъ на счетъ суда то страшнаго да на счетъ косточекъ...

— А что, батюшка, не слышно, когда свадьба то у Максима Петрова? — Круто перевелъ старикъ непріятный ему разговоръ на другую тему.

Но бесѣда какъ то уже не клеилась.

И потому всѣ были довольны, когда на столѣ появился, наконецъ, горячій пирогъ и вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало отъ хозяевъ приглашеніе хлѣба-соли откушать.

Отдѣльныя группы гостей объединились у обѣденнаго стола и разговоръ сдѣлался общимъ. Но къ старой церкви онъ уже не возвращался.

За обѣдомъ по обычаю того времени сидѣли долго. И когда разошлись по домамъ, наступалъ уже вечеръ.

V.

Хотя и оборвалъ Иванъ Васильевичъ круто разговоръ свой о постройкѣ новой церкви, но изъ головы мысль о ней выкинуть не могъ.

Ловко пущенные въ ходъ о. Матвѣемъ примѣры такихъ лицъ, какъ близкіе Бѣжецку Димитрій Красный и Сулешовъ, напоминаніе о богачѣ еван-

гельскомъ съ его житницами и о Давидѣ царѣ съ его кедровымъ дворцомъ, наивныя, но трогательныя въ простотѣ своей рѣчи Максимовны о косточкахъ и о страшномъ судѣ,—все это гвоздемъ засѣло въ старикову голову.

И сталъ старикъ все чаще и чаще задумываться надъ „старушкою Божьей“,— своею приходскою церковью.

Отъ частыхъ думъ и сны пошли на ту же тему. То князь Димитрій приснится съ обращеннымъ къ нему укоризненнымъ взоромъ изъ своей погребальной колоды. То Сулешовъ съ очами грозными, непривѣтливыми для Ивана Васильевича. То поднимающіеся изъ могилъ родного погоста скелеты мертвецовъ, простирающіе къ нему свои ужасныя руки и такъ далѣе,—все въ томъ же родѣ.

Равнодушно мимо своей старой Троицкой церкви Иванъ Васильевичъ и пройти уже не могъ. Покачнувшись на бокъ, убогая, дряхлая, она, какъ живая, казалось, кивала ему ветхою главой своей, кивала съ глубокимъ укоромъ и вмѣстѣ грустно, до чрезвычайности грустно, жалобно. И сердце Ивана Васильевича начинало мучительно ныть.

Предсказаніе о. Матвѣя о зимней льняной выручкѣ, между тѣмъ, оправдалось и оправдалось въ такой мѣрѣ, что и самъ Иванъ Васильевичъ никакъ ожидать не могъ.

Со всѣхъ сторонъ дѣло такъ обставлялось, что миновать строить церковь никакъ уже не приходилось. И рѣшилъ купецъ Первухинъ ее строить и строить ее каменную.

Какъ человѣкъ нетерпѣливый и горячій, Иванъ Васильевичъ намѣреній своихъ откладывать не любилъ. И дѣло загорѣлось.

Нѣсколько разъ за зиму лично побывалъ онъ и у Владыки Новгородскаго, и въ Новгородской консисторіи, и въ разныхъ гражданскихъ учрежденіяхъ, вѣдавшихъ строительныя дѣла. Къ половинѣ Марта планъ былъ готовъ. Получено было и разрѣшеніе на постройку. Спѣшно началась сломка старой церкви, расчистка мѣста, заготовка матеріаловъ, наемъ рабочихъ, а затѣмъ и самыя работы.

Но не привелъ Богъ Ивану Васильевичу закончить этихъ работъ.

Среди лѣта захватила его какая то болѣзнь и настолько быстро скрутила старика, что не успѣлъ онъ и подумать передъ смертію о дальнѣйшей судьбѣ застроенной имъ церкви. Не сдѣлавъ по поводу ея никакихъ распоряженій, Иванъ Васильевичъ легъ при ней костьми своими, когда постройка еще и до половины не была доведена.

Послѣ смерти старика у сыновей пошли подсчеты наслѣдственнымъ капиталамъ, споры изъ за оставшихся денегъ, неудовольствія.

Какъ ни стыдила дѣтей Анна Максимовна, какъ ни упрашивалъ ихъ о. Матвѣй, рукъ и капитала своего къ отцовской затѣѣ они не хотѣли приложить.

Постройка церкви по необходимости пріостановилась.

Прошелъ годъ.

За это время полученъ былъ въ Бѣжецкѣ вызванный появленіемъ чумы правительственный указъ отъ 17 ноября 1771 года объ отводѣ для города особаго кладбища,—съ запрещеніемъ какихъ бы то ни было погребеній при приходскихъ церквахъ.

И навелъ указъ этотъ въ Бѣжецкѣ грусть и страхъ на обывателей. Но всѣхъ чувствительнѣе задѣлъ онъ здѣсь купеческую вдову Анну Максимовну.

— Батюшка, о. Матвѣй,—вбѣжала она по полученіи вѣсти объ указѣ въ квартиру священника и впопыхахъ заговорила дрожащимъ отъ волненія голосомъ,—правду ли сказываютъ, пришелъ быдто приказъ изъ Нова-града напредь при своихъ церквахъ не хорониться?

— Пришелъ, Анна Максимовна. Доподлинно пришелъ.

— А гдѣ же учнутъ отсель чинить погребенія?

— Вышло, матушка Анна Максимовна, Магистрату повелѣніе отвести для сего особливое поле за градомъ. А гдѣ оное отведется,—судятъ да рядятъ. Слышно, болѣ норовятъ обосноваться по Рыбинску тракту,—за монастыремъ Воздвиженскимъ. Да сіе и умственно выходитъ. Въ ины страны градъ-отъ нашъ вона какъ протянулся. А тамо, за монастыремъ, почесть, въ самомъ сердцѣ града будетъ и къ старымъ могиламъ близъ. Главамъ-отъ, заправиламъ то градскимъ, тожъ отъ домовинъ родителевыхъ вдали хорониться то не охота.

— А грѣхъ имъ, главарямъ то этимъ! Вотъ што! Поди, Семенъ Леонтьевъ все. А ему што? Окромя тетки Митревны у него здѣся ничьихъ и костей то не положено. Родова могила евоная за рѣкой, въ погостѣ Лютницкомъ. Пошлетъ Богъ по душу,—и ево тамо сложатъ. Приказъ-отъ, сказываютъ, токмо града касаемъ. Вотъ онъ, Леонтьевъ-то, и не норовитъ. А остальны то што смотрятъ на него, смутьяна? Грѣхъ имъ! Грѣхъ! Вотъ што! За стары усыпальницы слѣдъ бы ратовать, а не новы мѣста розыскивать.

— Нельзя, Анна Максимовна, нельзя ратовать то! Царицынъ приказъ то! Да опять же чума, вѣдь! Сама знаешь,—треба опаску имѣть.

— А што чума то? Чума то, - наказанье Божеско по грѣхомъ нашимъ. Молиться надобно. А не стары домовины нарушать. Вотъ какъ покойнички то возопіютъ изъ нихъ ко Владыцѣ:—приводятъ де гробы наши въ запустѣніе. Ждали де мы, сойдутъ къ намъ чада да внуки, а замѣстъ того оставляютъ насъ на вѣки вѣчны въ одиночествѣ. Вотъ и будетъ чума то еще болѣ косить. Не рушь старыхъ мѣстъ святыхъ! Не предавай родительскихъ костей забвенію! И по дѣломъ! По дѣломъ!

— Полно, Максимовна, полно! Грѣхъ такъ сказывать. Бѣду накликаешь. Опомнись!

— Да што! Обидно, чаю, батюшка о. Матвѣй. Старика, Ивана то Васильевича, зарывали, вѣдь, я себѣ и мѣсто въ могилѣ то рядомъ съ нимъ присмотрѣла. Вѣдь, безъ маль полста годовъ съ нимъ прожила. Вотъ де и тутъ съ нимъ полягу. Тутъ и родители ево. Тутъ и сыночекъ нашъ Мишенька—свѣтъ. Тутъ черезъ могилу и мои родители. Тутъ и братецъ Ѳедоръ Кузмичъ. Тутъ и дяденька Яковъ. Тутъ и тетеньки Матрена да Степанида. Да и мало ли тутъ сродственниковъ. Все сродство тутъ. И надъ всѣмъ сродствомъ тутъ и свой храмъ родной. Не достроилъ покойникъ Васильичъ другого-то храму. Да все единственно. Вотъ ужо робята уладятъ свои дѣла,—они доведутъ. А не то, такъ, думала, сама доведу. У меня есть свои сигнаціи еще изъ благословленья родительскаго. Гадала, коли што—ими дочинить святой-отъ храмъ. А теперь натко што вышло! Отъ всего сродства, отъ храма Божья подь нонѣ прочь, какъ оглашенна кака. Ложись на вѣки вѣчны за градомъ,—почесть, въ пустыни какой. За градомъ то допрежь удавленныхъ однихъ похоранивали. Да опричь сего и сырость тамотка,—за монастыремъ-

отъ. Мѣсто—хлибое, водное. Каки тамо могилы! Всѣ и косточки то водой размоетъ!

И старушка Анна Максимовна въ искреннемъ и глубокомъ горѣ своемъ залилась слезами со всхлипываніями и причитаньями.

— Полно, голубушка Анна Максимовна!—вздумалъ было утѣшить ее о. Матвѣй. Все, Богъ дастъ, сладится. Не сейчасъ, чаю, помирать то будешь. Поживешь еще. А симъ временемъ и на новомъ погостѣ храмъ воздвигнется. И заселится оно покойничками. Не одна и будешь. Я допрежь тебя по лѣтомъ своимъ должонъ пойти туда. Вотъ те и сосѣдъ готовый есмь. Будетъ сосѣдей то, будетъ! Не сѣтуй!

— Да што мнѣ эти сусѣди то? Своихъ то не будетъ тамо. Свои то во иномъ мѣстѣ обрѣтаются. Воскреснутъ къ суду Христову,—всѣ въ кучкѣ будутъ. Токмо я, какъ зачумѣлая кака, въ отколѣ отъ нихъ. Навозстаютъ изъ могилъ то въ то время тьмы тьмущи людей. И все кругомъ чужи будутъ. Тутъ и нечисть всякая,—удавленные, самоутопшіе, что ранѣ то тутъ хоронили. Къ своимъ то и не продерешься,—затеряешься. Предстанутъ передъ судомъ Господнимъ все семьями, семьями. А ты стой себѣ одинокая. Ни мужа то при тебѣ, ни родителевъ....

И слезы еще сильнѣе полились по старческимъ щекамъ. Такъ можетъ плакать только человѣкъ, у котораго дѣйствительно безжалостно отняли послѣднее, что оставалось у него въ жизни, что онъ долгими годами лелѣялъ и безъ чего впереди предстояла жизнь безъ утѣшеній, безъ надеждъ, безъ всякой отрады.

Уговариванья со стороны о. Матвѣя были безполезны. И только растравляли свѣжія раны. И раны мучительно ныли и все больнѣй и больнѣй.

VI.

Горе ли уже такъ подѣйствовало на старческій организмъ, особая ли болѣзнь развилась въ немъ какая, но Анна Максимовна со времени полученія въ Бѣжецкѣ рокового указа стала хирѣть и замѣтно быстро опускаться.

Черезъ полгода она уже не могла подниматься съ постели. И чувствуя скорое приближеніе смерти, стала по христіански къ ней готовиться.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней послѣ позднихъ обѣденъ Анну Максимовну соборовали.

Для совершенія таинства, кромѣ своего приходскаго причта, приглашено было еще нѣсколько священниковъ изъ другихъ приходовъ. Набралась цѣлая горница родныхъ, сосѣдей. Отъ массы собравшихся людей, отъ теплившихся въ рукахъ ихъ свѣчъ, отъ кадила, которое тутъ же раздувалъ пономарь, то и дѣло подсыпая въ него ладонъ, было душно. Невѣстки и внучата, любившіе добрую, ласковую Максимовну, громко плакали. Совершеніе таинства шло медленно, долго.

Но ничего этого не замѣчала Максимовна на своемъ смертномъ одрѣ.

Слухъ ея жадно ловилъ слова молитвъ и евангельскихъ чтеній. „Пріиде бо Сынъ человѣчъ взыскати и спасти погибшаго... Радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся.. Якоже дубъ поверженный всякая правда наша передъ Тобою. Сего ради грѣхи юности нашей не помяни Господи.. Ты бо еси Богъ нашъ, Иже и седмьдесятъ кратъ седмерицею оставляти повелѣвый падающимъ во грѣхи“,— читалъ священникъ.

И Анна Максимовна побѣлѣвшими устами своими повторяла святыя слова. На лицѣ было умиленіе. Въ потухавшихъ глазахъ отражалось состояніе примирявшейся съ Богомъ души на порогѣ къ свѣтлой, счастливой вѣчности.

И только когда по совершеніи таинства подошелъ о. Матвѣй съ крестомъ, знакомая фигура священника напомнила, что разсчеты съ землей не совсѣмъ еще кончены. Во взорѣ мелькнуло былое выраженіе тревоги. Опять съ прежнею настойчивостью мучительно засверлила мозгъ неотвязная мысль объ одинокой могилѣ,— вдали и отъ сродства и отъ церкви родной.

Религіозное одушевленіе прошло. Умиравшій организмъ вступалъ въ свои права. Почувствовалось утомленіе. Попрощавшись со всѣми, Анна Максимовна попросила оставить ее.

Всѣ вышли. Задержался только пономарь Тихонъ, приводя въ порядокъ снятое священниками и сложенное въ общую груду облаченіе.

— Тихонъ, а Тихонъ!—чуть слышно раздалось со стороны постели больной.

Углубившійся было въ свое занятіе Тихонъ вздрогнулъ отъ неожиданности и поторопился подойти.

— Что, матушка, Анна Максимовна? Не позвать ли кого? Аль что не подать ли?

— Смерть, братъ, Тихонъ пришла! Иванъ Васильичъ къ себѣ зоветъ.

— Што жъ? На все воля Божья, Анна Максимовна. Всѣ подъ Богомъ!

— Не боюсь я, Тихонъ! Да и пора! Пожила ужъ! Вотъ колибъ не могила. Больно ужъ тяжко одной-то на новомъ кладбищѣ. И, вѣдь, на вѣки вѣчны такъто. Васильича то ко мнѣ туда да родителевъ, вѣдь, николи не придвинутъ.

— Што и говорить, — согласился Тихонъ. И видя, что Максимовна закрыла глаза и продолжать разговоръ не намѣрена, вернулся къ своему прерванному занятію.

Душа отъ природы жалостливаго пономаря наполнилась глубокимъ состраданіемъ къ умирающей, къ ея безъисходному горю предсмертному. Вспомнилъ Тихонъ всѣ подачки, которыя частенько перепадали отъ Максимовны женѣ его и ребятишкамъ въ формѣ стараго поношеннаго платья, обуви, масла, молока и пр., что при Тихоновой бѣдности очень дорого было. Вспомнилось ласковое отношеніе умиравшей лично къ нему. Хотя и журила частенько его Анна Максимовна за разныя его проказы, но журила—любя, жалѣючи, и не разъ выручала его изъ бѣдъ и напастей, въ которыя заводила его его удалая горячая натура. И Тихону мучительно захотѣлось помочь ей въ ея горѣ. Сердце подсказало, что можно сдѣлать.

Тихонъ снова подошелъ къ постели, тихонько кашлянулъ и легонько окликнулъ:

— Анна Максимовна!

Старушка открыла глаза.

— Што ты, Тихонъ?

— Да вотъ, Анна Максимовна, надумалось мнѣ што касательно могилы-то! Деньженокъ то опосля тебя, я чаю, останется?

— Ну?

— Ну вотъ и завѣщай ихъ въ тую церковь, при коей схоронена будешь.

— Не гоже то, Тихонъ! Што останется опосля меня я уже приказала сынамъ все отдать на достроеніе нашей Троицкой церкви, кою покойникъ Васильичъ здати зачалъ.

— Да оно и по моему такъ выходитъ.

— Да вѣдь ты сказываешь отдать въ тую, при коей погребена буду.

— Такъ! Такъ,—голубушка Анна Максимовна! Такъ и выходитъ! Токмо коли прямо-то капиталъ-отъ отдашь, церковь то достроятъ, а тебя всежъ схоронятъ на новомъ упокоищѣ. А ты тако и скажи сынамъ, да и батюшкѣ о. Матвѣю, што бъ онъ доподлинно напредь зналъ,—отдаю де свое достояніе въ той храмъ, при коемъ сама полягу. Тогда тебя ни въ коемъ разѣ отъ своей то церкви не пустятъ.

— Какъ же можно, Тихонушка? А указъ то царицынъ? Его, чаю, никуда дѣнешь.

— Што указъ?! Указъ-отъ вновѣ еще. Да коли-бъ и старъ былъ,—и древнимъ указамъ премѣненіе бываетъ.

— Неушто можно такое?

— Это спервоначалу то спугались указу. А нонѣ по малости и обходы ему повелись. Эвона третьевось у Пятницы погребли по старому изъ за однова похлѣбствія барыни Ветлицкой, чаю,—оную вѣдаешь, дщерь Татіану. И всѣ—молчокъ. Кому охота волокиту-то заводить! Указомъ-отъ новымъ всѣ не довольны. А у насъ, сама вѣдаешь, какая нужда въ капиталѣ-то. Вонъ Троицка церковь сколь время все въ половинѣ стоитъ. Срамъ одинъ. О. Матвѣй не однова ужъ плакалъ надъ ней. А дай ка ты ей капиталъ-отъ свой, живо повернется дѣло-то.

— Ой-ли, Тихонъ?—оживилась старушка. И правду ты сказываешь? Похоронятъ? При своей церкви похоронятъ? Въ Васильичевой могилѣ похоронятъ!

— Ей Богу, Анна Максимовна, похоронятъ! Вотъ те крестъ, похоронятъ! Плакать будутъ, да похоронятъ!

— Ну обрадовалъ ты меня, Тихонъ! Спасибо!

У старушки какъ гора съ плечъ свалилась. Она часто, часто закрестилась, шепча молитву. Лицо приняло выраженіе радостное, спокойное.

— Токмо ты, Анна Максимовна,—попросилъ Тихонъ,—не обмолвись отцу то Матвѣю о моемъ сказѣ. Сама разумѣть можешь, меня за оный не весьма одобрятъ. А теперь прощай! Вона, слышно, идетъ кто-то. Прости меня грѣшнаго! Помолись на томъ-отъ свѣтѣ за мою буйну голову!

Въ комнату входила одна изъ невѣстокъ.

Тихонъ, забравъ узлы съ облаченіями, поклонился и вышелъ.

Освѣдомившись отъ невѣстки, что о. Матвѣй не ушелъ и что не разошлись еще кое-кто и изъ присутствовавшихъ на соборованіи сосѣдей, Анна Максимовна велѣла позвать ихъ. И когда всѣ собрались, обратилась къ нимъ:—

— Позвала я васъ, милостивцы, во свидѣтели послѣдней волѣ моей. Што останется опосля меня рухляди какой,- я сыну Андрею сказывала, што кому изъ бѣдныхъ дать по малости, а остально въ домѣ пущай остается дѣтямъ и внукамъ. Капиталъ мой,--сто рублевъ, што я тебѣ, Андрей, отдала изъ родителевъ моихъ благословленья, въ тую церковь внести вкладомъ, гдѣ меня схоронятъ, на потребы оной. А болѣ у меня,—свидѣтель Богъ,--ничего нѣтути. Опосля смерти моей ничего не ищите.

— Какъ же, матушка Анна Максимовна,—послѣ нѣкотораго молчанія спросилъ о. Матвѣй,—вѣдь ты хотѣла эти сто-то рублевъ на достроеніе нашей Троицкой церкви внести. Одна надежда была. Чѣмъ же мы теперь дочинивать то ее будемъ?

— А ужъ тамъ какъ волишь, отецъ! Кажинному своя душенька дорога. Кой храмъ надъ ней будетъ, пущай оной и пользуетъ себя капиталомъ моимъ за молитвы его.

Анна Максимовна закрыла глаза и попросила повернуть ее лицемъ къ стѣнѣ.

Раздался стонъ отъ боли въ потревоженномъ организмѣ.

Присутствовавшіе потихонько разошлись.

Вечеромъ о. Матвѣй еще разъ побывалъ съ цѣлію снова поговорить на счетъ завѣщанія. Но Анна Максимовна была уже безъ сознанія.

Къ утру она скончалась.

VII.

На панихиду по усопшей собралось много народа.

Комната, гдѣ лежала покойница, была биткомъ набита. Въ сосѣдней горницѣ, въ сѣняхъ и даже на крыльцѣ,—вездѣ были люди, собравшіеся отдать послѣдній долгъ хорошо извѣстной городу Максимовнѣ.

У стола съ тѣломъ умершей народъ молился. Гдѣ подальше было отъ стола,—между молитвой велись потихонько и разговоры. Разговоръ вертѣлся, конечно, около событія. Освѣдомлялись,—успѣла ли покойница передъ смертію пособороваться, причаститься, тихо ли и въ памяти ли отошла и т. д.

Не могло, конечно, при этомъ не узнаться отъ сосѣдей и о завѣщаніи покойной и о томъ впечатлѣніи, какое произвело оно на о. Матвѣя.

Новость по времени и обстоятельствамъ была интересная. Собравшихся облетѣла она быстро. Вопросъ о томъ, какъ поступитъ теперь приходскій причтъ съ похоронами,—у себя ли похоронитъ Максимовну

въ противность указу, или на новомъ кладбищѣ, — сдѣлался общимъ.

Слышала ли душа покойницы всѣ эти разговоры, догадаться трудно. Но судя по тѣлу, по застывшему на лицѣ выраженію покоя и довольства, волновавшій толпу вопросъ лично ею уже рѣшенъ былъ и больше ее не безпокоилъ.

Между тѣмъ панихида шла своимъ чередомъ. Причтъ читалъ молитвы и пѣлъ. Но что читалось и пѣлось, разобрать было невозможно. Невѣстки покойницы и другія родственницы на крикъ выкрикивали обычныя тогда причитанія. Голоса ихъ пронзительные со всевозможными заунывными переливаніями смѣшивались съ пѣніемъ священниковъ и съ плачемъ ребятишекъ.

Въ верхнее стекло вставленной уже на зиму оконной рамы, битое въ моментъ смерти Максимовны для свого пропуска ея душеньки, врывалась струя свѣжаго осенняго воздуха, кружила кадильный дымъ, играла пламенемъ свѣчей и слегка колебала надъ мертвымъ тѣломъ парчевый покровъ.

По окончаніи панихиды, о. Матвѣй шепнулъ діакону, бравшему у него ризу:

— Пройдите отсель всей братіей прямо ко мнѣ и малость меня пообождите. Потолковать надо будетъ.

Самого о. Матвѣя сыновья покойной пригласили въ одинъ изъ незанятыхъ народомъ покоевъ. О чемъ велась тамъ бесѣда, какъ ни старались подслушать наиболѣе любопытные изъ публики, узнать не удалось. Тяжелая дубовая дверь закрыта была плотно.

Когда минутъ черезъ десять о. Матвѣй вышелъ, кое-кто попытался было спросить у него, гдѣ будетъ учинено погребеніе. Но онъ сдѣлалъ видъ, что не

слышитъ, не останавливаясь, прошелъ въ переднюю, одѣлся и быстро зашагалъ къ своему дому.

Причтъ онъ нашелъ въ полномъ сборѣ.

— Ну, братіе, обратился онъ къ сослуживцамъ,— загадала намъ на послѣдяхъ загадку Максимовна. Чаю, вѣдаете, про што сказываю.

— Да, батюшка, вѣдаемъ,—отозвался діаконъ Кузмичъ. Передъ твоимъ приходомъ сказывалъ о. Прокопій.

— Такъ вотъ надо обще обдумать и порѣшить на чемъ ни то. Дѣло,—всѣхъ насъ касаемое и для церкви особливаго вниманія достойное.

— И то ужъ мы, ждавши тебя, имѣли сужденіе,— замѣтилъ молодой священникъ. И кажись не миновать чинить погребеніе у себя,—на старомъ погостѣ. Къ тому склоняемся.

— Да вонъ оно што старуха удумала!—повелъ свою рѣчь о. Матвѣй. И примѣчательно, съ умысломъ порѣшила сіе. Кто ни то да надоумилъ передъ концемъ-то. Ранѣ не то она въ разумѣ держала. Капиталъ-отъ, сто рублевъ, я мыслилъ почесть что ужъ церковнымъ. И разсчетъ имѣлъ, што на дочиненіе Троицкой церкви вдосталь его достанетъ: и подъ кровлю подведемъ, и покроемъ, и главы поставимъ. А теперь нако што вышло. Гдѣ ихъ болѣ, деньги-то, сыщешь?! Сыновъ ея, Максимовны, тоже въ разсужденіи не можно имѣть. И оные просятъ учинить погребеніе при своей церкви. Не уважь ихъ,—тожъ не учнутъ о храмѣ радѣть. А болѣ то и взяться не кѣмъ. Такъ и помремъ—церкви то своей не достроимъ. Срамъ одинъ! Да и церковь то окромя уже одной святости своей и въ разсужденіи святого человѣка Димитрія Юрьевича Краснаго, да и князя боярина

Георгія Яншеевича Сулешова,—со великимъ, какъ вѣдомо вамъ, со значеніемъ. Завели память о нихъ поддержать, да и не сможемъ кончить. И предъ Господомъ Богомъ грѣхъ, и предъ людьми позоръ. Пальцемъ указывать на насъ вѣдь будутъ. Засмѣютъ! А опять же и начальство отвѣта потребуетъ;—глядя на што, повели мы построеніе-то. А што мы скажемъ? И сказать то въ свое оправданіе нечего, вѣдь.

— Такъ чтоже, о. Матвѣй? Правильно сказываешь. Одно остается—у себя похоронить Максимовну. Такъ и порѣшимъ на томъ,—высказалъ свой взглядъ о. Прокопій.

— А указъ-то царицынъ, о. Прокопій? За таковое дѣло вельми не похвалятъ. Всѣ подъ судъ попадемъ. Я помню, какъ родитель мой, царство небесное, подъ судомъ-отъ состоялъ. Всю душу изъ него, сердешнаго, тогда вымотали. Спаси, Господи и сохрани! Меня досель Господь отъ всякаго суда миловалъ. И пріять срамъ на сѣдую главу предъ исходомъ изъ міра сего зѣло не желательно. Да и вамъ всѣмъ, чаю, судъ-отъ неоченно будетъ милъ.

— Почему же, о. Матвѣй, безпремѣнно и подъ судъ пойдемъ? А, може, и минуетъ насъ оный,—храбрился молодой, горячій священникъ. Никто, чаю, доносить на насъ не учнетъ, поелику храмовая наша недостача у всѣхъ въ видимости. Пасупротивъ того, всякъ, думаю, свое сочувствіе намъ окажетъ. Опричъ-же того и указъ—дѣло новое, важное и всего люда христіанскаго касаемое, исконные обычаи рушащее. Таковыя дѣла одночасно не вершатся. Поколь народъ православный примѣнится къ тому, отступки быть долженствуютъ. Опять же и касательно новаго кладбища взять. Кое мѣсто—оное? Хоронятъ на полѣ,

а вѣдомо, бумага то о томъ изъ Новаграда не пришла: — тамо ли именно разрѣшено будетъ погребеніе чинить. Може, еще сверху и ино мѣсто укажутъ. Ежели и будетъ судъ,— должонъ же онъ во все оное вникнуть. И ктому-жъ разберутъ, что не изъ за похлѣбствія какого учинили мы царицыну указу премѣненіе, а храма для, въ отношеніи исторіи достопримѣчательнаго.

— Доподлинно такъ,— поддержалъ о. Прокопія діаконъ Кузмичъ. И сверхъ онаго указъ-отъ царицынъ, какъ свѣдомо оное, чума вынудила. А Максимовна то коли чумная была? Она — правильно померши. За кую-жъ вину ее, болѣзную, отъ своего-то храма отлучать? Да и по совокупности въ чумы разсужденіи Богъ-отъ поколь милостивъ къ намъ. Теперя ужъ и совсѣмъ о ней по нашимъ весямъ не слышно.

— Все оно такъ, братіе, — продолжалъ высказывать свои опасенія о. Матвѣй. А поведись волокита судебная,— все инако обернется. Не сильно-то насъ и слушать будутъ. Царицынъ, скажутъ, указъ вѣдали,— и треба была сполнять оный, а не разсуждать. да супротивничать.

— А отколь, батюшка о. Матвѣй, спросы то намъ оные повестись возмогутъ, осмѣлился высказаться пономарь Тихонъ. Я доподлинно узналъ, што въ протекшемъ мѣсяцѣ погребены по прежнему, на своихъ погостахъ, у Рождества два мертвыхъ тѣла, да у Введенья тожъ два, да у Пятницы — три, да и при соборѣ — одно. Соборный то о. Протопопъ запрашиванъ былъ о семъ изъ Воеводской Канцеляріи. И отвѣтствовалъ, что учинено де сіе за неотведеніемъ къ погребенію мѣста и гдѣ де отведено оное, не знаютъ. На томъ дѣло и порѣшилось.

— Воеводской то Канцеляріи я не зѣло опасаюсь,—отвѣтилъ о. Матвѣй. Сыны Максимовны обѣщали давѣ, что и Канцелярію, и Магистратъ, и вездѣ, гдѣ слѣдъ, они ублаготворятъ своими приношеніями и что оттоль доносовъ не будетъ.

— А тѣмъ паче, о. Матвѣй, тѣмъ паче! прервалъ старика молодой священникъ. Чего же послѣ онаго опасаться? По моему разумѣнію, опасаться нечего!

— Изъ сторонніхъ, о. Прокопій, донести могутъ. Вотъ што! Колибъ еще не знали про завѣщанье то Максимовны. А оное узнано. Слухъ-то уже знатно прошелъ. Давѣ послѣ панихиды то меня не одинъ ужъ пыталъ на счетъ похоронъ-отъ. Седни же весь градъ будетъ знать. Главно дѣло, — деньги! Зависти-бъ не вышло какой! Сто то рублевъ,—сумма, вѣдь, не малая. Изъ зависти донесутъ. Люди то всяки есть.

— Да вѣдь, не намъ завѣщанъ капиталъ то,— стоялъ на своемъ о. Прокопій. Не похлѣбствіе онъ намъ какое. А на крайнюю храмовую нужду отказанъ то. Не чаю я, што-бъ зависть какая вышла.

— Ну смотрите, братіе! Дѣло—общее. И денегъ великой нужды ради церковной жаль опустить. Да и указъ то царицынъ нарушить—страхъ обуеваетъ. Всѣ—въ дѣлѣ,—всѣ—и въ отвѣтѣ. Рѣшайте! Но што-бъ опосля другъ на друга вину не сваливать. Такъ у себя штоль хоронить?—потребовалъ о. Матвѣй окончательнаго отвѣта.

— У себя! У себя!—единодушно отвѣтилъ причтъ.

— Аминь. И быть по сему,—сдѣлалъ о. Матвѣй свое заключеніе.

Послѣ вечерней панихиды рѣшеніе причта было объявлено семейству Первухина. И въ тотъ же день, конечно, сдѣлалось оно достояніемъ всего города.

VIII.

Не даромъ предчувствовалъ умудренный долгимъ жизненнымъ опытомъ о. Матвѣй возможность доноса и доноса именно изъ за денегъ.

Вопросомъ о новомъ кладбищѣ и благоустройствѣ его въ Бѣжецкѣ особенно интересовался нѣкто Семенъ Леонтьевъ, тотъ самый Семенъ Леонтьевъ, о которомъ такъ неодобрительно отзывалась Максимовна въ своей бесѣдѣ съ о. Матвѣемъ относительно царицына указа.

Выкупившійся на волю изъ крѣпостныхъ одного подгороднаго помѣщика, Семенъ Леонтьевъ вмѣстѣ съ вольной вынесъ отъ довѣрчиваго и неопытнаго барина и хорошенькій капитальчикъ, сколоченный изъ господскаго добра при долголѣтнемъ, хитроумномъ веденіи чужого хозяйства.

Перебравшись въ городъ и открывъ здѣсь торговлю,—бойкую и удачную, бывшій крѣпостной человѣкъ пожелалъ при капитальчикѣ своемъ играть въ городѣ и роль не послѣднюю, нажить себѣ уваженіе и почетъ.

Къ городскимъ хозяйственнымъ дѣламъ пришлыхъ людей допускали тогда не охотно.

Нужно было свое прославленіе начать еще съ чего нибудь.

Подвернулся указъ объ отводѣ кладбища. Смѣтливый Семенъ Леонтьевъ сообразилъ, что для почина дѣло это ему самое подходящее. Конкурентовъ въ немъ изъ среды коренныхъ Бѣжичанъ, при общемъ ихъ несочувствіи новому указу, опасаться было нечего. Ихъ не могло быть. И слава по благоустроенію новаго упокоища обѣщала, такимъ образомъ, быть

безраздѣльною. На счетъ средствъ смущаться тоже не оставалось. Семенъ Леонтьевъ правильно разсчиталъ:—будутъ же де люди хорониться на новомъ мѣстѣ, хотя и не волей, а будутъ они хорониться,— и жертвы на благоустроеніе его будутъ. Умѣй только пользоваться.

И предпріимчивый новый обыватель бѣжецкій исподволь сталъ подбирать дѣло къ своимъ рукамъ, дѣйствуя не прямо, конечно, не открытымъ образомъ, а окольными путями,— хитренько, съ тѣмъ тонкимъ расчетцемъ, который выработался въ немъ на крѣпостной службѣ у барина.

Дошедшая до Леонтьева вѣсть о завѣщаніи купчихи Первухиной и о рѣшимости приходскаго причта похоронить ее—въ противность указу—у себя на погостѣ не могла при такихъ условіяхъ не задѣть его за живое. Случай заполучить для предпріятія сразу такія большія деньги, какъ завѣщанныя Максимовною сто рублевъ, былъ рѣдкій. Воспользоваться же имъ при имѣвшемся въ завѣщаніи извѣстномъ особомъ условіи возможно было не иначе, какъ похоронивъ Максимовну именно на новомъ кладбищѣ. И Семенъ Леонтьевъ рѣшилъ покойницу у приходскаго причта оттягать.

Не надѣясь найти себѣ сочувствія ни въ семействѣ Первухиныхъ, ни среди горожанъ вообще, Леонтьевъ сталъ дѣйствовать чрезъ подъячихъ мѣстной Воеводской Канцеляріи, добиваться со стороны послѣдней формальнаго запрещенія приходскому причту учинять погребеніе въ противность указу царицыну.

Подъячіе, что слѣдуетъ, съ него получали. Не отказывались отъ его приношеній. Но въ то же время

не забывали и полученнаго приношенія отъ купцовъ Первухиныхъ. И дѣло для Семена Леонтьева дальше обѣщаній не шло.

Наступилъ, наконецъ, и день погребенія Максимовны, – 6 октября 1772 года. Окончательно выяснилось для Семена Леонтьева, что похороны состоятся при приходской церкви.

Взбѣшенный неблагодарностію подъячихъ и неудачей своей, Семенъ Леонтьевъ явился въ Воеводскую Канцелярію и рѣшительно объявилъ, что въ случаѣ нарушенія царицына указа онъ у самой матушки Государыни будетъ управы искать.

Воеводская Канцелярія, нѣсколько смущенная такимъ оборотомъ дѣла, съ цѣлію на всякій случай обезопасить себя послала къ приходскому причту сержанта Медвѣдева съ воспрещеніемъ погребать Максимовну на старомъ погостѣ.

Медвѣдевъ явился въ храмъ, когда тамъ время подходило уже къ отпѣву покойницы.

Какъ исполнилъ онъ свою миссію,—можно судить по слѣдующему любопытному донесенію священника Прокопія Леонтьева на имя мѣстнаго Духовнаго Правленія:—„Бѣжецкой Воеводской Канцеляріи сержантъ Никифоръ Ивановъ Медвѣдевъ 6-го Октября, пришедъ въ Богословскую церковь въ олтарь во время Божественной Литургіи предъ самымъ святого Причащенія дѣйствомъ, началъ мнѣ говорить весьма громко и съ великою азартностью якобы по приказанію Бѣжецкой Воеводской Канцеляріи о непогребеніи мертваго тѣла города Бѣжецка купеческой жены Анны Максимовой Первухиной, отчего я, именованный, въ тое самое время отъ его неискусныхъ

и невѣжественныхъ словъ пришелъ въ великое возмущеніе, такъ что едва могъ окончить Божественную Литургію. Того ради Бѣжецкому Духовному Правленію о показанномъ объявя, прошу впредь во святую Литургію отъ Бѣжецкой Канцеляріи какъ оной сержантъ Медвѣдевъ присыланъ, такъ прочіе таковые невѣжды въ силу святыхъ отецъ преданій присылываны — бъ не были и не приводили-бъ мятежъ въ толь великое таинственное дѣло, Бѣжецкой Воеводской Канцеляріи во извѣстіе дать знать".

Такое азартное, невѣжественное поведеніе сержанта Медвѣдева возмутило не одного священника Прокопія. Возмутился и весь народъ, переполнявшій въ это время ради надѣлавшаго такъ много шума погребенія приходскій храмъ и прекрасно слышавшій разговоръ въ олтарѣ, такъ какъ разговоромъ этимъ служба на время была прервана, а рѣчи свои невѣжественныя сержантъ Медведевъ велъ весьма громко.

Въ народѣ послышались угрозы по адресу Медвѣдева, оскорбившаго въ служебномъ рвеніи своемъ его религіозныя чувства. Азартныя рѣчи должны были смолкнуть. Самого Медвѣдева народъ вытолкалъ изъ храма. И долго потомъ болѣли бока его въ память великаго, но неразумнаго радѣнія его по долгу служебному.

По окончаніи Литургіи, растерявшійся о. Матвѣй объявилъ было, что отпѣвъ покойницы по требованію Воеводской Канцеляріи нужно отложить и погребеніе учинить, — гдѣ то приказано будетъ.

Озлобленная сержантомъ толпа заволновалась. Послышались угрозы противъ самого о. Матвѣя. И старикъ, перемолвившись съ остальными членами причта, сдался.

Максимовну отпѣли чинъ-чиномъ и опустили въ ея родную могилу,— къ старичку Ивану Васильевичу, къ свѣту — Мишенькѣ, къ родителямъ, къ тетенькамъ Матренѣ да Степанидѣ и ко всему сродству ея и у самыхъ стѣнъ храма родного.

Завѣтная мечта ея сбылась..

IX.

О событіи потолковали, пошумѣли въ городѣ, да и забывать уже стали.

И вдругъ въ половинѣ декабря разнесся по городу слухъ, что по дѣлу о погребеніи Максимовны получены „изъ главной команды“ какой то строгій престрогій указъ.

Указъ пришелъ въ Духовное Правленіе.

Изъ него открылось, что доносъ сдѣланъ Бѣжецкимъ обывателемъ Семеномъ Леонтьевымъ и сдѣланъ непосредственно на имя Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны. Донося объ учиненномъ въ противность указу погребеніи купеческой вдовы Анны Первухиной, Леонтьевъ въ доносѣ своемъ утверждаетъ, что эта противность указу учинена исключительно изъ за ста рублевъ и что въ бѣдныхъ и солдатскихъ домахъ умирающихъ за скудостію ихъ похлебства оный причтъ и допрежъ хоронилъ и нонѣ хоронитъ на вновь отведенномъ кладбищѣ.

Указомъ предписывалось допросить виновныхъ по всей строгости, отнюдь не чиня имъ какихъ либо поноровокъ.

Духовное Правленіе допросило. Но не умѣло ли оно этого сдѣлать, какъ должно, поноровки ли какія чинило, но только главная команда результатами

этого допроса осталась недовольна. Найдено было,— „что спрашиваны виновные неисправно и не учинено сверхъ сего справокъ, о чемъ должно".

Особымъ указомъ для новаго болѣе обстоятельнаго допроса причтъ вызывался въ Новгородскую Духовную консисторію.

Во исполненіе его, однимъ раннимъ апрѣльскимъ утромъ 1773 года изъ Бѣжецка двигались по Новгородской дорогѣ двѣ повозки со знакомыми намъ сѣдоками. Въ одной сидѣлъ о. Матвѣй съ другимъ приходскимъ священникомъ и діаконъ Кузьмичъ. Въ другой—остальная меньшая братія причта.

Настроеніе у всѣхъ было тревожное. И по ходу дѣла, и по тону консисторскаго указа, и по доходившимъ изъ Новгорода слухамъ—ожидать впереди ничего хорошаго нельзя было.

Въ памяти о. Матвѣя, такъ всегда боявшагося суда, проходила теперь съ замѣчательною живостью напугавшая его въ дѣтствѣ судебная волокита надъ его родителемъ изъ за убитой свиньи и ея помершихъ съ голода поросятъ. Предстояло лично на себѣ вынести эту ненавистную волокиту, волокиту болѣе суровую и болѣе грозную, чѣмъ волокита отцовская соотвѣтственно большей важности преступленія. Срамъ уже нависъ надъ сѣдою головой, ничѣмъ доселѣ незапятнанной, и готовъ былъ обрушиться на нее съ минуты на минуту, когда голова эта совсѣмъ уже склонялась къ могилѣ. Было надъ чѣмъ призадуматься старику.

Не лучше себя чувствовалъ и его спутникъ. Горячій, вполнѣ увѣренный въ своей невинности, но мало еще знавшій жизнь, молодой священникъ теперь только началъ прозрѣвать, что личное убѣжденіе и увѣренность въ правотѣ не всегда сходятся

со взглядами на нее, съ разными соображеніями и рѣшеніемъ суда. Все, во что по его разсчетамъ долженъ былъ вникнуть судъ,—и новость указа царицына, отъ котораго по справедливости, казалось, долженствовали быть извѣстныя отступки на первое время, разъ касался онъ вѣковыхъ устоевъ православнаго люда, и неприкосновенность Максимовны къ чумѣ, вызвавшей этотъ указъ, и неопредѣленность по вопросу о самомъ мѣстѣ новаго кладбища, и вопіющая нужда храма въ отношеніи исторіи достопримѣчательнаго, и полное личное безкорыстіе во всемъ этомъ происшествіи,—все это не разъ уже доложено было, записано и къ дѣлу подшито. Но судъ ко всему былъ нѣмъ. Зналъ онъ одно:—указъ есть и не супротивничай. О. Прокопій никакъ не могъ себѣ уяснить такого простого, кажется, положенія и примирить съ нимъ личный свой взглядъ на правду и милость.

Кузмичъ въ разсужденія такія не вдавался. Онъ былъ нѣсколько фаталистъ. Судъ, такъ судъ. Кара извѣстная законная, такъ кара. Такъ и быть должно. Что назначено,—того не миновать. Жаль ему не столько было себя, какъ сидѣвшихъ съ нимъ тутъ понуро двухъ іереевъ своихъ, которыхъ онъ искренно любилъ и уважалъ. Раздумывалъ Кузмичъ о высотѣ ихъ сана іерейскаго, къ которому всегда онъ относился съ такимъ благоговѣніемъ, о той вѣрѣ и правдѣ, съ какими одинъ изъ нихъ почти полвѣка уже служилъ церкви и приходу, а другой начиналъ только еще служить, обѣщая впереди много чистаго и святого труда. И искренно сердечно жаль становилось діакону, что стряслась надъ ними эта лихая исторія. Пробовалъ было Кузмичъ поразговорить,

поутѣшить батюшекъ. Но тѣмъ, очевидно, было не до его утѣшеній.

Ѣхавшую позади меньшую братію тревожили мысли о семьяхъ. И такъ-то была бѣднота, а тутъ еще отъ дѣла оторвали. Церковь безъ службы, безъ доходовъ будетъ стоять. И долго ли такъ простоитъ,—Богъ ее знаетъ. Но врядъ ли они къ ней скоро вернутся:—волокита завелась не шуточная и на то она и волокита, что-бы не скоро прикончиться. А семьямъ-то, между тѣмъ, вѣдь, кушать то что-нибудь нужно.

Въ такихъ невеселыхъ думахъ проходила дорога невольныхъ путешественниковъ.

Новгородъ принялъ ихъ непривѣтливо.

Отвратительная погода, скверный постоялый дворъ, какой путники принуждены были выбрать для своего пребыванія по достаткамъ своимъ, разыгравшаяся здѣсь на глазахъ ихъ сейчасъ же по пріѣздѣ грязная исторія между обывателями этого постоялаго двора,—все это дѣйствовало угнетающимъ образомъ.

Владыка, Архіепископъ Новгородскій, къ которому они прежде всего явились, рѣчи и оправданія ихъ выслушалъ. Нѣсколько пожалѣлъ ихъ. Но въ общемъ поведеніе ихъ въ этой надѣлавшей шуму исторіи не одобрилъ. Сообщилъ, что дѣло далеко зашло, приняло характеръ чисто оффиціальный, для него, причта очень неблагопріятный, и что пособить ему теперь трудно чѣмъ-нибудь. Пожелалъ причту выпутаться изъ бѣды и направилъ его по принадлежности...,—въ Духовную Консисторію.

Въ Консисторіи, начиная съ секретаря и кончая послѣднимъ писцомъ и сторожемъ, всякій хотѣлъ показать свою власть надъ попавшею подъ дѣло и отвѣтъ братіей.

Не мало дней прошло въ томительномъ ожиданіи допроса,—выжиданіи съ утра до вечера въ грязной передней учрежденія, въ обществѣ грубыхъ сторожей, отъ которыхъ приходилось причту смиренно выслушивать всевозможные оскорбительные намеки въ формѣ разныхъ предположеній и анекдотовъ, шуточки и начальственныя замѣчанія. Вечеръ проходилъ въ грязномъ и сыромъ помѣщеніи и среди грязнаго люда постоялаго двора. Ночи при подобныхъ условіяхъ спались плохо. Захваченныя изъ дома деньжонки подходили къ концу. И при убожествѣ крайнемъ,—и при томъ приходилось себя урѣзывать.

Все это, при общемъ тяжеломъ, тревожномъ душевномъ состояніи, создавало такое положеніе, что несчастный причтъ не столько уже интересовался самымъ судопроизводствомъ, сколько назойливымъ вопросомъ,—когда же, наконецъ, отпустятъ ихъ души на покаяніе.

И допросъ, наконецъ, былъ снятъ.

Занялъ онъ времени не болѣе получаса. Въ обсужденіе мотивовъ,—почему именно такъ, а не иначе поступилъ причтъ въ дѣлѣ погребенія купчихи Первухиной,—никто не нашелъ нужнымъ вдаваться.

Попытка о. Прокопія выдвинуть этотъ вопросъ вызвала грозное—„къ дѣлу не относится“.

Запросили,—былъ-ли извѣстенъ царицынъ указъ, было-ли учинено погребеніе въ противность ему и получено ли дѣйствительно на оное сто рублевъ.

Краткіе, но точные отвѣты, какъ требовалось, были записаны, куда слѣдуетъ. Состоялось затѣмъ должное рукоприкладство. И причту объявлена была пока свобода. Рѣшенія приказано было ждать на мѣстѣ,—у себя—въ Бѣжецкѣ.

И причтъ отправился въ Бѣжецкъ, —къ церкви своей, столько времени остававшейся безъ пастыря, къ живому дѣлу своему, къ стонущимъ безъ кормильцевъ своихъ семьямъ, трепетавшимъ за участь своихъ главъ.

X.

Между тѣмъ постройка Троицкой церкви въ Бѣжецкѣ возобновилась.

Въ началѣ мая 1773 года Бѣжецкій купецъ Андрей Ивановичъ Первухинъ доносилъ мѣстному Магистрату, — „что по приказу де предъ послѣднимъ концемъ смерти родительницы ево Анны Максимовой на достроеніе въ приходѣ Іоанна Богослова каменной во имя Живоначальныя Троицы съ придѣломъ великомучениковъ Георгія и Димитрія церкви, застроенной еще отцемъ ево Иваномъ Первухинымъ, деньги въ числѣ ста рублевъ онъ употребилъ къ достроенію тоя церкви на приготовленные матеріалы, — то-есть: на кирпичъ, —десять тысячъ, —двадцать пять рублевъ, на известку, —сорокъ четвертей, шестнадцать рублевъ, на желѣзо, — пятнадцать пудовъ, —десять рублевъ пятьдесятъ копѣекъ, которые матеріалы нынѣ и имѣются въ наличествѣ, да отдано на изготовленіе въ нынѣшнемъ лѣтѣ на достройку тоя церкви кирпича, — двадцать тысячъ, —подрядчикамъ пятьдесятъ рублевъ, —и того по приказу родительницы ево на достройку оная церкви употреблено ихъ сто одинъ рубль пятьдесятъ копеекъ“.

Максимовичѣ оставалось радоваться въ ея могилѣ. Такая масса закуплена была на ея ассигнація изъ родительскаго благословенія всякаго матеріала строительнаго.

Самоотверженный поступокъ причта, между тѣмъ, вызвалъ въ городѣ особое, не бывалое доселѣ сочувствіе къ храмовой нуждѣ.

На достройку Троицкой церкви стали поступать доброхотныя жертвы отъ разныхъ обывателей городскихъ.

О. Матвѣй въ ожиданіи кары законной, которая, по предположенію умудреннаго жизнію старика, должна была объявиться прежде всего въ формѣ отставки отъ мѣста, торопился дѣломъ, желая лично довершить его.

Работа закипѣла. И къ половинѣ октября законченный постройкою храмъ блисталъ уже новенькою золоченой главой своей.

Въ сторонкѣ подъ сѣнію его бѣлѣлъ крестъ надъ свѣжею могилой Максимовны.

А во второй половинѣ того же октября полученъ былъ и указъ Св. Синода съ рѣшеніемъ „главной команды“ по дѣлу объ ея, Максимовны, погребеніи.

Оба священника,—и старый и молодой,—отдавались имъ за вину свою на полгода подъ началъ во святыя обители,—о. Матвѣй въ Добрынскую пустынь, а Прокопій Леонтьевъ въ Новгородскій Юрьевъ монастырь съ тѣмъ,—„да-бы по прошествіи онаго срока опредѣлены они были къ уѣзднымъ церквамъ на мѣста таковыхъ священниковъ, кои способны бы были къ служенію при Іоанно-Богословской градской церкви“.

На тотъ же срокъ,—на полгода,—разослана была подъ началъ и остальная братія причта,—діаконъ Кузмичъ въ Столпенскій монастырь, дьячки—въ Теребенскій и пономари въ Боровичскій монастырь,—съ тѣмъ, „дабы по прошествіи онаго срока они возвращены были на прежнія мѣста ихъ“.

28 октября, совершивъ послѣдній разъ всѣмъ соборомъ службу въ своемъ приходскомъ храмѣ, члены причта, трогательно попрощавшись другъ съ другомъ, съ плакавшими прихожанами и съ рыдавшими семьями своими, разъѣхались по мѣстамъ своего заточенія, чтобы начать тамъ искупленіе великой вины своей.

Чрезъ полгода трудовой горемычной неволи Кузмичъ и дьячки съ пономарями возвратились къ семьямъ своимъ, успѣвшимъ за время долгой отлучки ихъ придти въ крайнее убожество.

О священникахъ же о. Матвѣѣ и Прокопіи Леонтьевѣ повелось дѣло о перемѣщеніи къ уѣзднымъ приходамъ.

Приходъ Богословскій пробовалъ было хлопотать о нихъ,—за ихъ оставленіе у себя, и особенно хлопоталъ за о. Матвѣя, указывая въ разныхъ прошеніяхъ и ходатайствахъ своихъ на его заслуги по благоустроенію церкви, на полную безпорочность его прежней почти полувѣковой службы, на его старость и дряхлость, на „имѣніе имъ въ городѣ собственнаго дома, могущаго придти безъ него въ разореніе“, и т. д. Но всѣ эти прошенія оказались безуспѣшными.

Степень вины, очевидно, такова была, что исключала всякую возможность помилованія.

Духовное Правленіе между тѣмъ изъ силъ выбивалось въ попыткахъ исполнить приказъ главной команды,—помѣнять злополучныхъ іереевъ съ кѣмъ либо изъ священниковъ обширнаго Бѣжецкаго уѣзда. Изъ за братскаго ли сочувствія къ угнетеннымъ, въ надеждѣ, что еще авось ихъ оставятъ по хлопотамъ прихожанъ на старомъ ихъ мѣстѣ, еще ли по какой причинѣ, но только отъ обмѣна съ

ними мѣстами сельскіе батюшки одинъ за другимъ отказывались.

И въ 1775-мъ уже году исходъ, наконецъ, Духовнымъ Правленіемъ былъ найденъ.

Въ Бѣжецкѣ двѣ церкви въ то время были на особомъ, несчастномъ, какъ говорилось тогда, положеніи: — церковь упраздненнаго лѣтъ за десять передъ тѣмъ Введенскаго монастыря, постепенно переходившая въ приходъ по неволѣ и въ описываемое время насчитывавшая при себѣ не болѣе двадцати восьми приходскихъ дворовъ, и церковь Преображенская, остававшаяся съ 1772 года „при одномъ пономарѣ“, — безъ священника и другихъ членовъ причта „за малоприходностію своею (15 дворовъ) и за не имѣніемъ пашенной земли и сѣннаго покосу“.

Къ этимъ то убогимъ церквамъ и рѣшено было, наконецъ, пристроить изгнанниковъ.

Архіепископомъ Новгородскимъ Гавріиломъ, по сношеніи со Св. Синодомъ, священникъ Матвѣй Симеоновъ назначенъ былъ къ первой изъ нихъ,—„къ Введенской,—а Прокопій Леонтьевъ—ко второй“—къ Преображенской.

Здѣсь, на мѣстахъ новаго служенія, досуга было много. Подъ плачъ полуголодныхъ семействъ можно было сколько угодно и съ особеннымъ чувствомъ каяться въ винѣ своей великой.

Оставшіеся при прежнихъ мѣстахъ своихъ члены Богословскаго причта связи съ бывшими своими батюшками не порывали.

Храмовой праздникъ, именины того или другого изъ нихъ собирали ихъ по старому въ общую дружную семью.

И не было сердечнѣе, задушевнѣе разговора въ этой семьѣ, какъ разговоръ о быломъ,— о князѣ Ди-

митріи Красномъ, о Сулешовѣ бояринѣ, о Максимовнѣ и ея мужѣ Иванѣ Васильевичѣ, о новой Троицкой церкви и связанныхъ съ ея устройствомъ печальныхъ событіяхъ, о невозвратномъ прошломъ, которое казалось теперь собесѣдникамъ такимъ далекимъ— далекимъ и такимъ свѣтлымъ, радостнымъ, хорошимъ.

Пономарь Тихонъ обычно заканчивалъ каждый разъ эти бесѣды слезнымъ покаяніемъ своимъ,—что онъ именно надоумилъ Максимовну на ея злостный предсмертный поступокъ.

Ради свѣтлаго прошлаго, ради достигнутой какъ-бы то ни было пользы для церкви родной вина его прощалась.

О настоящемъ съ его горями, обидой и разными неустройствами говорить не хотѣлось.

Храмъ Троицкій красовался новизной своей,— гордый историческимъ прошлымъ своего мѣста святого.

Максимовна мирно почивала въ могилѣ своей.

Царицынъ указъ сданъ былъ въ архивъ.

Свящ. И. Н. Постниковъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР № 1990 г.

14